

13 ОКТ 1970

„Эту роль я писал для Вас...“

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
О НАШЕЙ ЗЕМЛЯЧКЕ

Во флигеле барского дома на Мойке в 1868 году на «выпускном акте» Петербургской консерватории дочери мелкого чиновника из города Кашина Елизавете Андреевне Лавровской были вручены золотая медаль и диплом «свободной художницы» в области вокала. Она первая из русских певиц получила музыкальное образование в своем отечестве и вошла в историю музыкальной культуры второй половины XIX века как величайшая актриса. О ней много писали и в России, и за границей, но, пожалуй, самую глубокую и верную оценку ее могучему и редкому таланту дал П. И. Чайковский в своих статьях и письмах. В рецензии на концерт Лавровской, опубликованной в газете «Русские ведомости» 3 апреля 1877 года, гениальный композитор называет певицу «...одной из полновластных владычиц над публикой». В статье «Музыкальное общество...» Петр Ильич говорит: Елизавета Андреевна — это «почти всенародный культ».

В одном из обзоров концертного сезона 1875 года Чайковский пишет: «Нечего и говорить, что имя г-жи Лавровской привлекло в театр огромную массу публики. Если бы театр был в десять раз больше или если бы эта певица дала еще десять концертов, то и тогда ни громадные размеры залы, ни многократность концертов не могли бы достаточно удовлетворить публику, так справедливо в этом случае платящую должную дань восторга и удивления этой симпатичнейшей из певиц. Г-жа Лавровская сделала успехи поистине изумительные. Не говоря уже о ее чудном, ровном, бархатном, сочном голосе, который в эти годы удвоился в силе, окреп, установился, — она замечательнейшим образом усовершенствовала свою технику и довела до высокой степени совершенства свою природную способность к тонкой, глубоко прочувствованной, подчас потрясающей художественности в фразировке... Какая простота, чуждая всякой аффектации, трагичность и страстность, какая неотразимая обаятельность звука!.. И что всего дороже в г-же Лавровской, так это то, что она не прибегает ни к каким внешним эффектам, ни к какому театральничанью, ни к каким ухищрениям женской кокетливости, чтобы очаровать слушателя. Нигде не дает себя чувствовать стремление угождать известными, общепринятыми на итальянской сцене, рутинно-аффектными приемами, особенно излюбленными верхними слоями публики...»

Говоря о другом выступле-

нии нашей землячки, Петр Ильич не только восхищается неповторимой красотой, силой ее голоса, совершенством вокальной техники, но и подчеркивает истинно национальную направленность ее репертуара. «Программа концерта, — пишет Чайковский, — представляла ту особенность, что состояла исключительно из русских композиторов...»

В век почти повального преклонения перед иностранщиной, когда музыкальное начальство с презрением объявляло, что опера «Иван Сусанин» — это мужицкая музыка, а «Руслан и Людмила» Глинки — произведение скучное и совершенно неудачное, когда не хотели принимать к постановке «Каменного гостя» Даргомыжского, а таких титанов, как Мусоргский и Бородин, считали музыкальными недоучками, выскочками, — в такой век петь в течение всего концерта произведения только русских композиторов было равносильно патриотическому подвигу.

Елизавета Андреевна, говорит Чайковский, исполняла отечественные произведения с соблюдением тех идеальных оттенков, о которых грезили русские композиторы, сочиняя свои страстные, широко задуманные и глубоко захватывающие пьесы. И сам гениальный Чайковский был счастлив, когда Елизавета Андреевна включала его произведения в свой репертуар. «Многоуважаемая Елизавета Андреевна! — пишет он. — Только вчера узнал я, что в Одессе дается «Опричник» и что Вы были так добры взяться за роль Морозовой. Эту роль я писал для Вас, и Вы не поверите, до чего мне приятно узнать, что моя мечта приходит в действительность...»

В мае 1875 года выходят из печати романы Петра Ильича «На сон грядущий» на слова Огарева, «Смотри, вон облако» на слова Грекова, «Не отходи от меня» на слова Фета, «Вечер» на слова Шевченко, «Али мать меня рожала» и «Моя баловница» на слова Мицкевича-Мея. Все эти романы композитор посвящает нашей землячке. Чайковский сам написал стихи «Ночь», затем на собственный текст создал вокальный квартет и тоже посвятил его Елизавете Андреевне. В письме к Бернар композитор обещает оркестровать романс для Лавровской.

Чайковский безмерно высоко ценил талант великой певицы. Пожалуй, еще больше восхищалась актриса гениальными творениями композитора. Елизавета Андреевна была первой исполнительницей многих его произведений, что всегда приносило большую радость Петру Ильичу, которую при всей своей скромности он часто не мог скрыть: Лавровская — «девушка премилая, — пишет он брату. — Она сегодня поет мой романс...» В ноябре 1886 года Чайковский был на концерте камерной музыки, где Лавров-

ская пела его произведения. «...Энтузиазм был искренний, и я, — говорит он, — вышел оттуда подавленный чувством умиления и благодарности».

Знаменательную роль в истории отечественного искусства сыграла Лавровская как инициатор создания оперы «Евгений Онегин».

«Я, — рассказывает певица, — приехала весной 1877 года в Москву давать концерт. Здесь заболел мой маленький сын, и я вынуждена была задержаться. Нацеля квартиру на Долгоруковской улице. Здесь у меня бывала вся музыкальная Москва... В памятный день П. И. Чайковский был у меня... Как живое, стоит и теперь передо мной его изумленное лицо, когда на его шутивную просьбу: «Дайте сюжет, хочу писать оперу», я предложила ему «Онегина».

— Помилуйте, ведь это невозможно, — сказал Петр Ильич, видимо, вспоминая текст «Евгения Онегина». — Ну, какую, например, музыку можно написать на стихи «Мой дядя самых честных правил...»?

— На них и незачем писать, — ответила я, — вспомните, сколько матернала даст вам образ Татьяны. Из-за нее одной стоит написать оперу...»

Об этом актриса поведала в газете «Русское слово» в 1914 году, спустя свыше двадцати лет после смерти композитора.

А вот что писал Чайковский брату Модесту, как говорится, по горячим следам: «На прошлой неделе я был как-то у Лавровской. Разговор зашел о сюжетах для опер. Ее глупый муж (князь Цертелев. — В. Ш.) молчал невообразимую чепуху и предлагал самые невозможные сюжеты. Елизавета Андреевна молчала и добродушно улыбалась, как вдруг сказала: «А что бы взять «Евгения Онегина»? Мысль эта показалась мне дикой, и я ничего не отвечал. Потом, обедая в трактире один, я вспомнил об «Онегине», задумался, потом начал находить мысль Лавровской возможной, потом увлекся и к концу обеда решился. Тотчас побежал отыскивать Пушкина. С трудом нашел, отправился домой, перечел с восторгом и провел совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценарий прелестной оперы с текстом Пушкина...»

Кстати сказать, наша землячка не только подала мысль написать оперу «Евгений Онегин», но и исполняла партию Ольги в первой, еще салонной, постановке этого спектакля в Петербурге.

Тесные рамки газетной статьи не позволяют полностью рассказать о творческой и личной дружбе этих великих людей земли русской. Чайковский, например, уговорил Лавровскую принять должность профессора Московской консерватории по классу пения. Он присутствовал на ее занятиях, репетировал спектаклей и писал, что «все ис-

полнители — ученики и ученицы Лавровской, которая показала, что она превосходная учительница».

Композитор сожалел, когда не мог присутствовать на экзаменах в классе Лавровской. К нему обращались молодые певцы и певицы за помощью. Самых одаренных он посылал к нашей землячке. В подтверждение приведем лишь два неопубликованных письма, хранящихся в Клинском доме-музее П. И. Чайковского.

«22 мая 1889, г. Клин, с. Фроловское. Многоуважаемая, добрейшая Елизавета Андреевна! Вследствие некоторых, очень сложных обстоятельств мне невозможно будет присутствовать на Вашем экзамене. Боюсь, чтобы Вы не рассердились на меня за неисполнение обещания или, чего боже сохрани, чтобы Вы из моего отсутствия не заключили, что я мало интересуюсь успехами учениц и учеников Ваших. Верьте, что для меня просто горе, что я не попаду в консерваторию в дни Ваших экзаменов. Когда-нибудь расскажу и объясню, почему мне в настоящую минуту неприятно и тяжело быть в консерватории. Все обойдется, и в будущем учебном году я надеюсь часто бывать в консерватории и видеть Вас...»

За сим еще прошу Вас, дорогая Елизавета Андреевна, не сердитесь на меня. Желаю от души, чтобы Вы остались экзаменом совершенно довольны. Целую Ваши руки. Искренне преданный Вам

П. Чайковский.

В другом письме композитор писал:

«Дорогая Елизавета Андреевна! Подательница сего В. А. Ларионова желала бы, чтобы Вы удостоили прослушать ее и решить, стоит ли ее голос серьезной обработки. Я принимаю искреннее участие в этой девичье и убедительно прошу подарить ей несколько минут Вашего драгоценного времени для разрешения важного для нее вопроса. Искренне преданный и уважающий Вас

П. Чайковский.

20 янв. 1889 г.»

Смерть неожиданно остановила сердце композитора. Ушел из жизни великий сын России.

...Через десять лет, в 1903 году, музыкальная общественность решила почтить память Петра Ильича постановкой некоторых его произведений. Попросили «высокопочитаемую артистку» принять участие в этом своеобразном юбилее. «Вы дадите возможность, говорилось в приглашении, — своим учащим не только достойно почтить память незабвенного Петра Ильича, но и содействовать успеху оперы и других композиторов».

В. ШИКОВ.

*) Оба письма П. И. Чайковского публикуются впервые, первое — с сокращением.